

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ, 2 ТОМ

ФИЛОСОФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Платонизм и аристотелизм
в эпоху Возрождения

Цель – анализ последних этапов схоластической философии Средневековья, а также идей Платона и Аристотеля в эпоху Возрождения.

План

1. За пределами Парижа и Оксфорда.
2. Платонизм в эпоху Возрождения.
3. Аристотелизм в эпоху Возрождения.

Ключевые слова

Международная сеть университетов, мистический антиинтеллектуализм, ученое незнание, аверроизм, томизм, станцы Рафаэля.

Данная лекция посвящена анализу последних этапов схоластической философии, рассмотренных Энтони Кенни во второй главе его книги.

Карьера Уиклифа совпала с периодом, когда Оксфорд стал более изолированным от остальной Европы. И Скот, и Оккам были хорошо известны в Париже так же, как и в Оксфорде, жили долгие периоды на континенте. Уиклиф остался в Англии, за исключением одного краткого визита за границу. Латынь продолжала оставаться в использовании в качестве средства академического обмена, но уже начала процветать народная литература во всех странах Европы, и латинский язык больше не был избранным среди лучших писателей – современников Уиклифа, таких как Лэнгленд и Чосер. Столетняя война между Англией и Францией установила барьер между Оксфордом и Парижем. Пути университетов разошлись.

Однако к концу четырнадцатого века новые университеты начали расцветать в различных частях Европы. Карлов Университет в Праге датировал свое основание 1347 годом; к 1402 году дебаты в ее школах между оккамистами и уиклифистами распространились по всей Европе. Гейдельбергский Университет был основан в 1385 году папской буллой, его первым ректором стал Марсилиус Ингенский, бывший ректор Парижского университета. В 1399 году Университет Падуи получил свои первые здания. В 1400 году в Кракове был основан Ягеллонский Университет. Сент-Эндрюс, старейший шотландский университет, был основан в 1410 году, в то время, когда Шотландия и Англия принадлежал к двум разным церквям. Первым университетом Бенилюкса стал Лёвен, основанный в 1425 году.

Старое тесное сотрудничество Парижа и Оксфорда сменилось новой международной сетью университетов. Одновременно формируются разные типы философствования за пределами университетов. Раскол между двумя стилями философии имел серьезные долгосрочные последствия для неакадемического мира. В Париже в начале XIV века, в то же время, что и Дунс Скот, лекции читал и другой гениальный философ, немецкий доминиканец Мейстер Экхардт. Экхардт продолжил приобретать отличную репутацию проповедника и преподавателя в университете Кельна; если Дунса Скота можно увидеть как первого протагониста аналитической традиции философствования в четырнадцатом веке, Экхардт может считаться отцом-основателем альтернативной, мистической традиции.

Молодой Эразм и Лютер тоже испытали влияние мистического антиинтеллектуализма, и это способствовало их нападкам на средневековый аристотелизм.

Наиболее заметной интеллектуальной фигурой пятнадцатого века является Николай Кузанский (1401–64). Он был учеником девенторского сообщества, а затем учился в Гейдельберге и Падуе. В 1448 году стал кардиналом и в 1451–52 годах был папским легатом в Германии. Николай был благочестивым и милосердным человеком, преданным церкви и экуменизму. Всю свою жизнь он искал примирения: между латинской Церковью и греческой Церковью, между схоластическим и мистическим богословием, между христианской и языческой мыслью. Он считал, что имена, которые евреи, греки, латиняне, турки и сарацины применяли к Богу, были эквивалентны друг другу, примиряемые в Тетраграмматоне, который открыл сам Бог.

Подобно оксфордским калькуляторам, Николай писал на математические темы, но его самым известным, а также самым ранним философским произведением стал труд «Об ученном незнании» (1440 год). Здесь Кузанский сформулировал один из важнейших принципов своей философии: «...не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность»

в собственном незнании...». Ведущая идея этой работы заключается в том, что Бог есть бесконечный синтез противоположностей. Всякий раз, когда мы применяем предикат к Богу, мы можем с равным правом приложить его противоположность. Если Бог – величайшее существо, то он также самое малое существо: он и максимум, и минимум, потому что ничего может быть больше, чем он, но ему также не хватает любого размера или объема. Тот факт, что противоположности совпадают в Боге, показывает, как это невозможно для нас, чтобы иметь любое настоящее знание о нем. Рациональные попытки достичь высшей истины, как многоугольник, вписанный в окружность, сколько бы сторон мы ни добавляли к многоугольнику, он никогда не будет совпадать с окружностью, однако может близко подойти к нему.

Николай Кузанский часто представляется как переходная фигура между Средневековьем и Ренессансом. Сочинение «Об ученом незнании» действительно совпало с одним из основополагающих событий эпохи Возрождения: Флорентийским собором 1439 года. Византийской греческой Империи Константинополя угрожает подавляющая военная мощь Османской Империи. Константинополь обращается за помощью к западным христианам. Папа Римский, Венецианский Евгений IV, сделал богословское единство условием крестового похода, а император Иоанн VIII и патриарх Константинопольский присутствовали на соборе в Ферраре и Флоренции с целью воссоединения латинской и греческой церквей.

Их присутствие во Флоренции было увековечено Беноццо Гоццолли в фреске «Поклонение волхвов» в Палаццо Медичи-Риккарди, которая содержит портреты основных участников. Союз между Церквями, провозглашенный в 1439 году, оказался столь же недолговечным, как и союз 1270 года. Но эффект Флорентийского собора в истории философии был более долговечным. Флоренция была местом возрождения классического гуманизма, не в смысле заботы о человеческой расе, а в смысле чувства преданности «гуманным письменам». Одним из самых ранних проявлений гуманизма было восхищение стилем классических римских авторов и соответствующее отвращение к схоластической латыни. Леонардо Бруни, старший флорентиец, в 1430-х годах перевел важные тексты Аристотеля на более элегантную латынь. Наряду с желанием новых переводов классики, многие образованные люди хотели выучить греческий язык и читать Платона, Аристотеля и других древних мыслителей на языке оригинала.

Присутствие восточных ученых на Флорентийском соборе дало толчок этому движению. В число участников собора входил Георгий Гемист Плетон (1360–1452), ведущий платонист, его ученик Виссарион (1403–72) и аристотелик Георгий из Трапезунда (1395–1484). Из этого трио только Плетон, противник церковного Союза, вернулся в Грецию после собора, остальные остались в Риме, Георгий становится папским секретарем, а Виссарион – кардиналом. Во время Собора Плетон читал лекции о сравнительных достоинствах Платона и Аристотеля. Латинские философы, по его словам, сильно переоценили Аристотеля. Платон был гораздо предпочтительнее: он верил в Бога-создателя, а не просто перводвигателя; и он верил в истинно бессмертную душу. Аристотель ошибался насчет идей, ошибался в мышлении о срединной добродетели и ошибался, приравнивая счастье к созерцанию.

Нападки Плетона вызвали ответы и греков, и латинян. Георгий Схоларий, поклонник Аквинского и сторонник Союза во Флоренции, позже разочаровался и вернулся в Константинополь, где со временем стал патриархом. В 1445 году он написал «Возражения Аристотеля» против тех, кто предпочитал Платона. Хотя Аристотель думал, что мир вечный, тем не менее он думал, что Бог был его эффективной причиной; он верил, что человеческая душа бессмертна и неразрушима. Он был гораздо более ясный и систематичный философ, чем Платон. Схоларий верил, возможно, правильно, что Плетон был вовсе не христианином, а неоплатонистом-язычником, и после его смерти его произведения были публично сожжены.

Бурная защита Аристотеля была сделана Георгием Трапезундским, который в это время переводил для папы Николая V произведения обоих философов – и Платона, и Аристотеля. Его «Сравнение Платона и Аристотеля», написанное в 1458 году, делает Аристотеля христианским героем, а Платона – еретическим злодеем.

Георгий утверждает, что Аристотель верил в творение из ничего, в божественное провидение и в Троицу. Платон, с другой стороны, провозглашал отвратительные доктрины, такие как переселение душ в животных или гимнастику в обнаженном виде. Преданность Платону привела греческую Церковь к ереси и расколу; Латинские последователи Аристотеля объединили

философию с ортодоксальной церковью. Только ученые, которых больше интересовал стиль, чем содержание, могут предпочесть Платона Аристотелю, считал Георгий.

В эти дебаты вступили два кардинала – Николай Кузанский и Виссарион. Николай Кузанский, для которого Георгий перевел «Парменид» Платона, написал диалог «On the Not Other», в котором подчеркнул ограничения аристотелевской логики и Платоновской метафизики, в то же время пытаясь опираться на их учения о постижении Бога. Виссарион написал трактат, опубликованный на греческом и латинском языках, под названием «Против очернителей Платона». Он отметил, что многие христианские святые были поклонниками Платона. Хотя ни Платон, ни Аристотель не согласились бы полностью с христианским учением, точек конфликта между ними было мало, и между Платоном и Аристотелем было столько же сходства, сколько между Аристотелем и христианством. Оба философа – и Платон, и Аристотель, были выдающимися мыслителями, посланными провидением, чтобы привести людей к истине разными путями. Антропология Платона, утверждает Виссарион, ближе к тому, что жизнь была без первородного греха; Аристотель дает более реалистичный рассказ о падшем человечестве.

К 1460-м годам было общепризнано, что изучение Платона подходит для католических ученых на Западе. Падение Константинополя в 1453 году привело к исходу беженцев, которые уносили с собой не только собственные знания классического греческого языка, но и драгоценные рукописи античных авторов. Их приветствовали как в Риме, так и во Флоренции.

Козимо Медичи поручил своему придворному философу Марсилио Фичино перевести все произведения Платона. Работа была завершена около 1469 года, когда внук Козимо – Лоренцо Великолепный – встал во главе Клана Медичи. Лоренцо собрал греческие рукописи в своей новой Лауренцианской библиотеке, как папа Николай V и его преемники – в библиотеке Ватикана.

Марсилио Фичино собрал в Кареджи, близ Флоренции, группу последователей Платона, которых он называл своей Академией. Он перевел, в дополнение к Платону, труды Прокла и Плотина, «Корпус Герметикум», а также сборник древних алхимических и астрологических трудов. Он написал комментарии к четырем основным диалогам Платона и к «Энеадам» Плотина, а также несколько трактатов и свою основную работу *Theologia Platonica* (1474), в которой изложил свои собственные неоплатонические представления о душе, ее происхождении и судьбе. Его целью было объединение платонических элементов схоластической традиции с литературно-исторической оценкой в древнем мире.

Самым выдающимся из учеников Фичино был Джованни Пико, граф Мирандола (1463–94). Пико выучил греческий и иврит в раннем возрасте, и в дополнение к «Корпусу Герметикум» он произвел серьезное исследование еврейской мистической каббалы. Он хотел объединить греческую, еврейскую, мусульманскую и христианскую мысли в Великий эклектический Платонический синтез. Он изложил это в своих «900 тезисах» и пригласил всех заинтересованных ученых обсудить их в публичном споре в Риме в 1487 году. Папа Иннокентий VIII запретил диспут и назначил Комитет по рассмотрению тезисов в ереси. Среди осужденных предложений был и такой «нет отрасли науки, которая дает нам больше определенности о божественности Христа, чем магия и каббала».

Предисловие, которое Пико приготовил для начала диспута, сохранилось в истории под названием «Речь о достоинстве человека». Пико воображает обращение Бога к вновь созданному человеку в следующих терминах: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».

Несмотря на его неортодоксальные взгляды и сложности с церковными властями, учением Пико был восхищен святой Томас Мор, который написал о жизни Мирандолы как образце

благочестия для мирянина. У Пико, действительно, был благочестивый конец. После того как Медичи были изгнаны из Флоренции, Савонарола превратил город в религиозную республику, и Пико стал одним из его последователей, собираясь стать монахом. Но осуществлению его планов помешала смерть, он умер в возрасте 31 года, работая над примирением платонической и аристотелевской метафизики.

В 1490-х годах энергичное возрождение аристотелизма шло в Падуе, и это происходило в двух формах – аверроизма и томизма. В 1486 году доминиканский орден заменил «Сентенции» Питера Ломбардского на «Сумму теологии» Фомы Аквинского, как основной текст лекции в школах, и это инициировало возрождение томизма. Но в Падуе изначально фракция аверроистов была доминирующей. Два ведущих лектора Николетто Верниа и его ученик Агостино Нифо, комментируя Аверроэса и придерживаясь позиции аверроизма, утверждали, что существует только один бессмертный интеллект для каждого отдельного человека. Однако в 1491 году в Падуу прибыл один из величайших томистов всех времен: доминиканец Томмазо де Вио, известный как Каэтан, от латинского слова Гаэта, названия города, где он родился и впоследствии стал епископом.

Каэтан прокомментировал несколько работ Аристотеля, в том числе «О душе», но известность он приобрел за его комментарии святого Фомы, в том числе комментарии ко всей «Сумме теологии». Хотя не всегда легко читаемые, они высоко ценятся томистами по сей день. Между 1495 и 1497 годами Каэтан занимал должность профессора томистской метафизики в Падуе. Несмотря на преклонение перед ним, Каэтан не боялся не соглашаться с Фомой Аквинским, и он верил, что Аристотель не поддерживал индивидуальное бессмертие, и что такое бессмертие невозможно определить по естественным причинам.

Таково было и мнение эрудированного ученого, главы падуанского аристотелизма Помпонацци Пьетро. Он был автором произведения «De Immortalitate Animae», в котором утверждал, что если поверить в аристотелевское учение о том, что человеческая душа была формой человеческого тела, то сложно представить, как оно может пережить смерть. Помпонацци считал себя христианином и был готов принять личное бессмертие как символ веры: но он и его падуанское сообщество вскоре оказались объектом церковной вражды.

В 1512 года папа Юлий II решил созвать собор в Латеранском дворце, с целью реформирования Церкви, в которой она нуждалась. Вскоре после созыва собора Юлий скончался, а на смену пришел папа Лев X Медичи. Лев проявил мало энтузиазма в реформации, и собор практически ничего не добился, помимо полезного декрета, объявляющего, что те, кто управлял ломбардами, не обязательно были виновны в грехе ростовщичества. Некоторые церковные злоупотребления были запрещены, но указы оставались мертвой буквой, пока проблемы были возвращены Лютером. В то же время Папа Лев счел полезным обратить внимание членов Собора на не самые актуальные вопросы философии, такие как учение падуанцев о бессмертии.

Бессмертие души было христианским учением много столетий, и религиозное учение уже было совмещено с Аристотелевским гилеморфизмом на Венском совете 1311 года. Следует отметить заявление Латеранского собора о том, что он настаивает на взаимосвязи между выявленной и философской истиной и ее утверждением, что бессмертие души не только истинно, но и доказуемо разумом. Церковь в первое время устанавливала право не только на религиозную истину, но также и на религиозную эпистемологию. Этот указ, как и реформирование церкви, похоже, имел мало практического эффекта. Пару лет спустя Помпонацци опубликовал свой трактат о душе: он был посвящен исповеданию веры и подчинению Святейшему престолу, но основная часть работы состоит из аргументов против личного бессмертия.

Во время Латеранского Собора Рафаэль, сначала для папы Юлия, а затем для папы Льва, работал над Станца дела Сеньятура в Ватикане. Роспись стен помещения посвящена единой теме – человеческой деятельности в сфере духовных свершений. Фрески, украшающие стены, отражают четыре ипостаси такой деятельности: философию (работа «Афинская школа»), теологию («Диспут», иначе – «Спор о Святом Причастии»), правосудие (роспись «Мудрость, умеренность и сила») и поэзию («Парнас»).

Все это – шедевр гения, объединяющего две истины, которые, так провозглашали Латеранские отцы, ни один человек не должен был разъединить.

Таким образом, мы рассмотрели последние параграфы второй главы книги Энтони Кенни «Философия средневековья». В следующей лекции мы перейдем к вопросам логики.

Вопросы для закрепления темы

1. Почему разошлись пути Оксфордского и Парижского университетов?
2. Что пришло на смену власти двух ведущих университетов Европы?
3. Основателем какого направления философии является мейстер Экхардт?
4. Каковы основные идеи философии Николая Кузанского?
5. В чем заключалась особенность Флорентийского собора 1439 года?
6. Каковы основная идея «Речи о достоинстве человека» Пико дела Мирандолы?
7. Что представляют собой Станцы Рафаэля?

Литература

1. Anthony Kenny. Medieval Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 2. – Oxford University Press. – 2014. – 352 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 2 том, Орта ғасыр философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 400 б.
3. Рассел Б. История западной философии. В двух книгах. Книга 1. – М.: Миф, 1993. – 512 с.
4. <http://italy4.me/lazio/vatikan/stanze-di-raffaello.html>